

УДК 82+372.8:821.161.1(07)

М.П. Жигалова

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР АНТИЧНОСТИ: ЖАНРОВО–СТИЛЕВАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Исследуется сущность и эвристические возможности эпистолярного жанра античности. Определены некоторые пути и методические приёмы изучения эпистолярного жанра в вузовской практике.

Каждый раз, когда в литературе идёт поиск тематического разнообразия, стилистической широты, писатели неизбежно обращаются к эпистолярному наследию, которое предрасполагает к разнотемью, многожанровости, стилистической вариативности. Мир эпистолярной действительности существенно различается от века к веку и даже от десятилетия к десятилетию.

В древнегреческом риторическом сочинении «О слоге» говорится о том, что : в письме существует не только свой стиль, но и свой предмет речи. Однако в последующие эпохи «философические письма», «письма к учёному соседу» никого не привлекали. Более того, сочетание бытовых новостей, просьб, поручений, расспросов с изобличениями о мире и человеке придаёт немеркнущее очарование письмам как великих людей, так и простых корреспондентов минувших эпох.

Письмо представляло запасы тематической и стилистической свободы, «болтовни», лёгкости перехода с предмета на предмет независимо от значимости.

Эту открытость разным жанрам бытовое письмо передавало своим литературным потомкам. Русский эстет начала XIX века П.Е. Георжевский разъяснял: «Под посланием, собственно, разумеется философское или литературное письмо в стихах. Содержанием его бывает изображение различных чувствований, мыслей, а иногда и описаний происшествий и вообще всё, что входит в состав обыкновенных писем. Каждый род стихотворений имеет своё, особенное свойство: ода – торжественность, песня – нежность, басня – простоту, сатира – колкость, элегия – грусть и т. д. В одном только послании /эпистоле/ многие роды смешиваются вместе, ибо оно может быть страстным и поучительным, шутивным и печальным и нередко сатирическим».

На эпистолярное искусство античности заметное влияние оказала риторическая школа. В риторических школах специально были декламации, в которых описывалось драматическое состояние и мысли того или иного мифологического героя, находящегося в определённой ситуации (например, состояние Ниобы, потерявшей детей; Ахилла, узнавшего о смерти своего друга Патрокла, или Дидоны при отъезде Энея). Такими декламациями, например, являются «Послания» Овидия – произведение, наиболее историческое из всех его произведений.

Существуют письма фиктивные, написанные от мнимых лиц и мнимым же лицам, и письма подлинные, которыми обменивались писатели, ораторы и государственные деятели. К первой категории относятся любовные и бытоописательные письма, сочинённые Алкифроном, Филостратом, Элианом (III век), Сандием. Подлинные письма на греческом языке принадлежат Юлиану, Либанию и Сенеции, а на латинском языке – Фронтону, наставнику императора Марка Аврелия, и Симмаху – одному из последних борцов против христианства. Письма искусственные

рисуют в живой художественной форме картины нравов и быта людей различных классов и профессий, подлинные же представляют особый интерес не только как литературный памятник, но и как исторический источник.

В программе филологических факультетов вузов, где античная литература изучается как самостоятельный курс, эпистолярный жанр античности обсуждается на обзорной лекции и на практических занятиях по изучению творчества Овидия и Сенеки, где рассматриваются «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки и «Письма к Понта», «Героини» (или «Послания героинь») Овидия.

«Героини» – это стихотворные письма героинь мифа к покинувшим их мужьям и возлюбленным. С посланиями обращаются Пенелопа, Бризеида, Деянира, Медея, Федра, Ариадна, Дидона и др. Рисуя образы, известные римскому читателю и имеющие многовековую традицию в античной художественной литературе, Овидий по-новому освещает душевную жизнь своих персонажей. Героини сочетают в своих письмах риторические фигуры с лирическими излияниями. Послания однообразны по теме. Это и понятно, ведь все героини находятся в одном положении – в разлуке со своими возлюбленными. Одни и те же мотивы встречаются в письмах разных героинь (жалобы на одиночество, ревнивые подозрения, воспоминания о прошлом, просьба о возвращении и т. д.). Искусство поэта и проявляется в умении варьировать сходные мотивы, в умении придать каждому образу неповторимость. Вместе с тем Овидий как бы сводит своих героинь с мифологических пьедесталов и приближает их к облику реальных, земных римских женщин.

Студенты учатся обнаруживать в произведениях античности сочетания признаков различных литературных видов. А главное – видеть и чувствовать, как природа жанра проявляется в сюжете, образной системе, стиле, едином, многозначном и неповторимом смысле художественного создания. Так, первая героиня Овидия Пенелопа, нежная, преданная жена Одиссея, рассказывает о своей чистой любви, какой поэт не встречал вокруг:

*Шлёт Пенелопа, тоскуя, скитальцу привет Одиссею;
Ей не поможет ответ: сам поскорей вернись! [3]*

Овидий понимает, что для описания такого чувства нужны совсем другие тона и стиль, более благородный и достойный, способный передать искренние переживания, горячую страсть, волнующие воспоминания, тоску, тайные слёзы по ночам, вопросы, неясные глухие сомнения, проблески надежды. Письмо, естественно, заканчивается так, как и начинается, – призывом, ибо настоящая любовь – это и есть призыв. Призыв, обращённый к любимому существу, близость которого наполняет жизнь радостью и смыслом.

Вопросы счастья и смысла жизни звучат и в философских письмах Сенеки [6].

Практическое занятие «Уроки жизни (по «Нравственным письмам к Луцилию» Луция Аннея Сенеки)» поможет студентам сформировать свою философию жизни. Концепцию занятия определяют слова Вергилия:

*Много могу передать старинных тебе наставлений,
Если ты прочь не бежишь и забот не чуждаешься мелких.
Вергилий (Георгики. I, 176–177).*

Остановимся только на некоторых содержательных аспектах практического занятия.

«...Счастье, – пишет Аристотель, – мы считаем целью во всех отношениях совершенной (и конечной),...это начало в том смысле, что все (мы) для него делаем всё

... » [1, с. 72]. Но и мы, современные читатели, тоже делаем всё остальное: работаем, преодолеваем различные трудности нашей ежедневной жизни, воспитываем детей ради счастья, а оно ещё почему-то не согрело нас и наше общество добродетельным теплом. Что же ещё нужно для достижения счастливой жизни, нашей активной деятельности?

Очевидно, что это «ахиллесова пята» для каждого из нас и всего нашего общества, где падение нравов и бездуховность ещё имеют место и на фоне всеобщего и глубокого экономического, политического и социального кризиса на постсоветском пространстве достигли внушительной величины. Однако отказаться от стремления к счастью и поисков его – это сверх наших человеческих сил. Поэтому попробуем более подробно узнать об условиях его достижения на примере «Нравственных писем к Луция Аннея Сенеки» [6].

Каждый раз, перечитывая страницы этой книги, задумываешься о том, как актуальна она временем и как остаётся актуальной сегодня. Но каждый раз не перестаёшь удивляться, какие мудрые советы, уроки жизни она предлагает и читателю XXI века.

Жизнь Сенеки была полна взлётов и падений. Он всегда оставался в гуще событий, что давало основания его современникам обвинять философа в честолюбии и аморальности. И хотя живые черты облика Сенеки утрачены и не восстановимы, но всё же, каким было представление философа о счастливой жизни, можно исходя из исторической ситуации, из мироощущения писателя, каким оно видится в его сочинениях, из традиций того учения, к которому он примыкал.

В эпоху эллинизма три самые влиятельные этико-философские школы: **кинники, эпикурейцы и стоики** – соглашались в одном: знание истинного блага делает жизнь человека блаженной (счастливой). Но рождённые в эпоху крушения полиса, они предлагали человеку, утратившему своё привычное место в гражданской общине, новые пути к «евдэмонии» (термин у Сенеки обозначал «блаженная жизнь»). Если внутри полиса¹ каждый человек, заботясь о счастье целого, тем самым заботился и о собственном счастье, то теперь он должен был сам искать линию жизненного предназначения, обеспечивающего «евдэмонию».

Киники, например, считали, что этого достигнуть можно лишь тогда, когда удовлетворишь удовлетворение насущных естественных потребностей.

Эпикурейцы усматривали «евдэмонию» в безмятежности и отсутствии страданий, то есть они фактически изымали человека из всех социальных связей.

Стоики (к ним принадлежал и Сенека) строили свою этику на фундаменте натурфилософии. От киников они взяли идею счастья: жить нужно человеку в согласии с природой. Переосмыслив её, они создали новое учение о природе и человеке. А поскольку в основе природы лежит «логос» – разум, то, следовательно, «жить по природе» для человека значит «жить по разуму». Нравственная цель заключается в том, чтобы через усовершенствование этой природы прийти к «добродетели». Но совершенная добродетель – это совершенное знание, мудрость. Сенека считал, что прийти к нравственной норме можно через разумное суждение и знание. Поэтому путь стоиков и желание Сенеки усовершенствовать человеческую природу совпали. Так возник идеал мудреца, который, по мнению стоиков, будет сообразоваться с

¹ Полис – город - государство

государственным устройством, заведёт семью и выполнит обязанности гражданина. Как видим, в Риме стоическая философия оказалась стимулом к деятельности.

Человек, по мнению Сенеки, должен **искать** (выделено мною *Авт.*) счастья. А оно – не в материальных благах, а внутри себя. Поэтому Сенека превозносит простоту нравов, показывает преимущества радостей бедняка перед пресыщенностью богачей. Пассивность, примирение со своей участью есть следствие царящей в мире неумолимой необходимости, предотвратить которую мудрец не в состоянии. Он должен покориться божественной силе, которая проявляется во всей природе. И хотя между проповедью моральных устоев и их осуществлением у Сенеки есть существенные противоречия, но его советы по-прежнему жизненны и необходимы, востребованы каждым из нас.

«Нравственные письма к Луцилию» – это свод законов для рода человеческого. Сенека ограничивается здесь областью этики. Он отвергает изопрённую диалектику и логику древней стои, так как все эти «греческие глупости» (п. L XXXII, 9) [6, с. 198] не помогут человеку найти верный путь в жизни. Не увлекает Сенеку и натурфилософия (п. CXXI) [6, с. 374].

Этика, разработанная Сенекой, помогает и читателю XXI века регулировать поведение практически во всех областях человеческой жизни – в труде, в быту, в науке и политике, в семейных и личных отношениях. Его мораль распространяется на всех людей, фиксируя в себе то общее, основное, что составляет и сегодня культуру межличностных человеческих взаимоотношений.

Любая житейская мелочь становится отправной точкой для рассуждения. Жизненно конкретен и адресат посланий, и их отправитель. Это заваленный делами прокуратор Сицилии, страдающий от городского шума, путешествующий из усадьбы в усадьбу, преодолевающий болезнь, вспоминаящий молодость. «Вместе с тем текучее разнообразие жизни входит в письма как некий негативный фон для незыблемой нормы, то есть философии, целительницы душ, «науки жизни», призванной судить её и дать ей законы», – отмечает С.А. Ошеров [7, с. 414]. Произведение древнего римского писателя и философа не перестаёт удивлять читателя своей злободневностью, потому что это и сегодня – «программа нравственного самоусовершенствования», предназначенная не только для адресата и отправителя, но и для современного читателя.

Устная философская беседа-проповедь – диатриба – оставалась живым жанром на протяжении многих столетий. Поучающие и советующие письма писали ещё Платон и Исократ, Кратет, Эпикур. Письма эти обычно адресовались ученикам и предназначались для распространения и публикации, а значит, были «литературным фактом». Конечно, судить о степени их влияния на Сенеку невозможно. Ясно одно: «Нравственные письма к Луцилию» – литературное произведение, и за ним стоит большая литературная традиция. «Письмо» стало жанром литературы, который использовался в неофициальных, интимных высказываниях в противовес закреплённым в литературе высоким жанрам.

«Письма к Луцилию» начинаются фразой «Так и поступай, мой Луцилий» – как ответ на сообщение друга, звено в цепи долгой переписки. И закончилась ли она, читатель не знает, так как конец «Писем к Луцилию» утрачен. Сборник рождает ощущение разомкнутости, бессистемности. Но эта бессистемность и есть система обращения читателя в свою веру.

Среди множества писем есть те, которые говорят о ничтожности внешних благ, необходимости дружеских связей между людьми, лживости мнений толпы. Но есть письма, в которых Сенека стремится заложить общие основы морали, которые и сейчас востребованы.

В своих письмах Сенека великолепно применил «действенные средства педагогики» – искусства руководить душой человека.

Какой же закон жизни для будущих поколений выводит писатель? Что значит, по мнению Сенеки, быть счастливым? Какой жизненной этики следует придерживаться?

Об этом узнаём из «Писем...» [6]. Попробуем сформулировать основные этические правила Сенеки, его уроки жизни:

1. **Старайтесь быть всегда «человеком добра».** «Счастлив тот, кто презирает порыв духа на благо: он уйдёт из-под власти фортуны, будет умерять удачу, презирать неудачу, презирать то, чем другие восхищаются. Великая душа пренебрегает богатством и предпочитает умеренное чрезмерному, ибо первое полезно и животворно, второе вредно, потому что излишне. Все желания имеют предел, кроме суетного и бессмысленного похотью: ему предела нет. Необходимое измеряется пользой, излишнему не найдёшь границу? Так и погружаются в наслаждения, без которых, когда они становятся привычкой, уже нельзя жить. Поэтому нет несчастнее зашедших так далеко, что излишнее становится для них необходимым. Наслаждения уже не тешат их, а раздражают ими, они же – и это худшее зло! – любят своё зло. Тот дошёл до предела счастья, кого постыдное не только услаждает, но и радует. Нет лекарства для того, у кого пороки стали нравами» (п. XXXIX) [6, с. 78].

2. **Помните, что «...не так опасны пороки, не скрытые от глаз; даже болезни идут к выздоровлению, если болезнь прорвалась из глубины и обнаружила свою силу. Знай, что и скупость, и честолюбие, и другие недуги человеческого духа опаснее всего тогда, когда прячутся за личиной здоровья»** (п. LVI) [6, с. 110–111].

3. **Знай:** «Кто занят, у того нет времени на озорство; и вернее верного то, что дело искореняет пороки, порождённые бездельем» (п. LVI) [6, с. 111].

4. **Будьте воздержанны в желаниях,** ибо «Несчастен не тот, кто делает по воле, а тот, кто делает против воли. Научим же нашу душу хотеть того, чего требуют обстоятельства...» (п. LXI) . «Страсть сразу поднимает мятеж: куда она ни обращается, тотчас же увидит рядом какую-нибудь приманку для своих притязаний. Нет ни без задатка: жадность сулит деньги, похотливость – множество разных наслаждений, честолюбие – пурпур, и рукоплескания, и полученное через них могущество, и всё, что это могущество может» [6, с. 120–122].

5. **Презирайте боль и смерть.** «Мы боимся не смерти, а мыслей о смерти – от самой смерти мы всегда в двух шагах. Значит, если смерть страшна, то нужно всегда быть в страхе: разве мы хоть когда-нибудь избавлены от неё?» [6, с. 124]

6. **Умейте отдыхать,** ведь отдых – это необходимое условие для совершенствования (п. XXVIII) [6, с. 307]. Счастье состоит именно в умении найти золотую середину между работой и отдыхом.

7. **Пренебрегайте похвалой людей неразумных,** а ищите признания и славы лишь в равных себе (п. CII) [6, с. 355].

8. **Знай,** что награда за добродетельный поступок в нём самом, ибо он заключается в разумной природе человека.

9. **Не ограничивайте страсти, а совершенно искореняйте их**, потому что благодаря этому можно достичь полной независимости от мира, то есть бесстрастия. «Всякая страсть вначале немощна, а потом сама себя разжигает и набирает силы, разрастаясь: легче не пустить её, чем выгнать» (п. CXVI).

10. **Помните, что одного знания добра недостаточно**. «В душах, даже далеко зашедших во зло, остаётся ощущение добра, и они не то, что не ведают позора, но пренебрегают им» (п. XCVII, 291) [6, с. 291]. Должна быть ещё **активная воля к добру, то есть ответственный выбор жизненного поведения**. «Желание стать добродетельным – полпути к добродетели» (п. XXXIV, 3) [6, с. 73]. «Желать и бояться – вот два главных стимула человеческой деятельности», – отмечает швейцарский исследователь-философ, автор многих нравственно-философских сочинений Ф.Р. Вейсс [2]. Правда, в отличие от человеческой воли не следует забывать и о воле божественной, которая может быть только благой (п. XCV, 49) [6, с. 276]: Бог величайший благодетель, слуга своих слуг (п. XCV, 48), Он заботится о людях (п. XC, 18) [6, с. 241] и воля его есть провиденье. Бог посылает страдания для того, чтобы закалить человека добра в испытаниях, и в этом он подобен любящему отцу. Только в испытаниях можно проявить себя, а значит, доказать людям ничтожность невзгод.

11. **Знайτε, что направляет нашу волю к добру ещё одна нравственная инстанция – совесть**, «бичующая злые дела» (п. XCVII, 14) [6, с. 291]. Человек должен помнить не только о разуме, но и о совести, воздействовать на неё не только логикой, но и волновать (п. CVIII, 12) [6, с. 325].

12. **Признавайте любовь, привязанность к своим ближним**. «Ведь высоким чувствам нужно идти навстречу, и порой, вопреки напору обстоятельств, во имя близких возвращаться к жизни даже и с мукой...» (п. CIV) [6, с. 314].

13. **Не считайте богатство благом**, ибо одинаково можно быть несчастным и под соломенной, и под золотой крышей. Богатство может способствовать счастью, но создать его оно бессильно. «Ты считаешь богатства благом; стало быть, тебе будет мучительна бедность и – самое печальное! – бедность мнимая: ведь ты, хоть имеешь много, будешь воображать, будто тебе не хватает ровно столько, на сколько превзошёл тебя имеющий больше» (п. CIV). По мнению Сенеки, «мудрец не стремится к богатству, не отдаёт ему своей души, но не отказывается от него и предпочитает его бедности». «Бедность удержит при себе лишь истинных друзей, любой, кто тянулся не к тебе, а к чему-то ещё, уйдёт. Так не должно ли любить бедность за то одно, что она ясно показывает, кто нас любит» [6, с. 314].

14. **Знайτε, что самое страшное – это зависть**. «Ты считаешь благом почести: так тебе будет плохо от того, что такой-то стал консулом, а такой-то – даже во второй раз; ты будешь завидовать всякому... И честолюбие настолько липит тебя разума, что при виде одного обогнавшего ты забудешь обо всех, кого оставил позади» (п. CIV) [6, с. 315].

15. **Не забывайте о долге человека**. «На одного гляди, чтоб он тебе не повредил, на другого – чтобы ему не повредить. Радуйся чужим удачам, огорчайся неудачам, помни, что ты должен дать другим и чего остерегаться. Чего ты достигнешь, живя так? Навредить тебе смогут всё равно, а вот обмануть не смогут» (п. CIII) [6, с. 312].

16. **Помните, что есть в жизни милосердие и благодеяние**. Первое есть обязанность, налагаемая на нас уже тем, что все мы люди: «Человек – предмет для другого человека священный» (п. XCV, 33) [6, с. 276]. И если мы хотим этой добродетели от правителя государства, то и сами должны обладать ею по отношению к

ним ниже (п. XLVII, 11) [6, с. 90]. Для человека всякое благодеяние есть тот добродетельный поступок, награда которого – в нём самом. Такие поступки не только возмещают, но и совершенствуют обе стороны.

17. **Знайце, что человек слаб пред лицом природы. Поэтому живите в человеческой общности. Находите такие нравственные основы общежития, которые были бы доступны всем согражданам по человечеству. Ищите новых основ человеческого сообщества в «духе», пролагая путь к последующим векам.** «Наша душа – то царь, то тиран: царь, когда стремится к честному, заботится о здоровье поврежденного ей тела, не требует от него ничего грязного, ничего постыдного; а когда душа не властна над собою, жадна, избалована, тогда получает ненавистное и презрительное имя и становится тираном» (п. CXIV) [6, с. 346].

18. **Цените своё собственное благо.** «В чём оно? В том, чтобы исправить и очистить душу, которая ... поднялась выше человеческих пределов, видя всё для себя благо в себе самой. Что же есть твоё благо? Совершенный разум! Призови его к самой высокой цели, чтобы он дорос до неё, насколько может. Считай себя блаженным тогда, когда сам станешь источником всех своих радостей, когда среди всего, что люди просят, стерегут, чего жаждут, ты не найдёшь не только, что бы предпочесть, но и что бы захотеть» (п. CXXIV) [6, с. 385]. Так что, счастье гораздо более зависит от того, что мы чувствуем, чем от того, что мы имеем действительно.

Как видим, и сегодня по-прежнему к лучшим качествам человека принадлежат добродетель, знание и настойчивость, или, иными словами, доброжелательность к людям, мудрость и твёрдость характера.

Сенека задаёт и вопрос о том, как научиться «властвовать собой», ведь наше умение владеть собой очень ограничено. Вот несколько таких правил, предложенных великим философом жизни:

– Любой мудрец, вопреки мнению стойков, вовсе не изъят от влияния страстей; он только умеет ими управлять, тогда как другие люди, наоборот, подчиняются их власти сами.

– Он, как и другие, не может считать себя свободным, будучи окованным, но душа его сохраняет при этом благородство и независимость.

– Его нельзя назвать богатым в бедности, но умение обходиться малым делает для него бедность менее чувствительной.

– Точно так же, хотя он и остаётся нечувствительным к бедам и горю, он не превеличивает их тяжести воображением и малодушием.

– Наконец, если он, будучи всё-таки человеком, не «застрахован» от возможности иной раз ошибиться или опечалиться, то это может случиться с ним реже, чем с прочими людьми, и, сверх того, подобные грустные минуты будут для него менее продолжительны. Он даже в несчастье проявит характер силы и величия.

– И ещё. Творец вложил в нас желание деятельности, без которой мы не можем быть счастливыми, ибо жизнь нравственная, как и физическая, основана на законе постоянного движения.

19. **Счастье и добродетель тождественны.** Доброта привлекает к нам сердца людей; честность – всеобщее уважение; знание оберегает от ошибок; уверенность предотвращает излишества; наконец, твёрдость характера даёт верную гарантию в том, что ни удары судьбы, ни несчастья нас не уничтожат.

Таким образом, можно сделать вывод, что Уроки жизни, которые даёт Сенека, помогут читателю заново не только осмыслить важные жизненные проблемы, но и по-новому решать их.

В ходе занятий студентам могут быть предложены и тесты по теме «Семена» [4], которые расширяют их информационное поле.

Итак, эпистолярный жанр античности – это один из замечательных документов, драгоценный образец словесного искусства, с которым нужно обязательно знакомить юного читателя.

Известно, что идеи духовной культуры во все времена были у человечества созидательными. Культура каждого народа – это неповторимая Вселенная, созданная определённым отношением каждого человека к миру и к самому себе. Она есть способ творческой самореализации личности. Поэтому постижение иных культур, в том числе и античной, обогащает читателя не только новыми знаниями, но и творческим опытом. И сегодня, решая проблемы нравственно-эстетической ценности художественных произведений, истоки которых находятся в античности, школьники и студенты, учителя и учёные ещё больше проникаются желанием познать непознанное, постичь культуру древних цивилизаций, такую отдалённую от нас временем и такую близкую нам по духу [5]. И это происходит не случайно. Ибо от формирования духовно-нравственных качеств молодёжи, её гражданской позиции, эстетической восприимчивости, способности к творчеству во многом зависит и судьба нации, государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аристотель. Аналитики / Аристотель. – Минск : «Современное слово», 1998. – 446 с.
- 2 Вейсс, Ф. Р. Нравственные основы жизни / Ф. Р. Вейсс. – Минск : Народная асвета, – 1994.
- 3 Жигалова, М. П. Античная литература в средней школе / М. П. Жигалова. – Минск : Мастацкая літаратура, – 2000. – 479 с.
- 4 Жигалова, М. П. Божественные звуки античности / М. П. Жигалова. – Брест : Академия, 2002. – 114 с.
- 5 Жигалова, М. П. Изучение античной литературы в школах различного типа / М. П. Жигалова. – Брест: Изд-во БрГУ, 2002. – 60 с.
- 6 Луций, Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Анней Сенека Луций. – Кемерово : Книжное издательство, 1986. – 162 с.
- 7 Сенека. От Рима к миру // Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. – Кемерово : Книжное издательство, 1986. – 462 с.

Zhigalova M. P. Epistolary genre of antiquity: genre-style and methodical paradigm

The essence and heuristic resources of epistolary genre of antiquity is being investigated. Some ways and methodical devices of exploring epistolary genre in higher educational establishment are defined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.02.06.